1.57.12
79

РѢЧЬ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

12 декабря 1877 года,

ВЪ СТОЛѢТНЮЮ ГОДОВЩИНУ РОЖДЕНІЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

ДОЦЕНТОМЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

Ѳ. Ѳ. Соколовымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1877

151 2/19

РѢЧЬ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

12 декабря 1877 года,

ВЪ СТОЛѢТНЮЮ ГОДОВЩИНУ РОЖДЕНІЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

ДОЦЕНТОМЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

Ѳ. Ѳ. Соколовымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1877

(353)

Печатано по опредѣленію Совѣта С.-Петербургскаго Университета.

Милостивые Государи!

Мы празднуемъ столѣтнюю годовщину событія, привѣтствованнаго всеобщею радостью въ русской землѣ. Великая Екатерина и весь русскій народъ положили надежды свои на младенцѣ, родившемся 12 декабря 1777 года. Двадцать три года и три мѣсяца спустя всеобщею радостью, всеобщими надеждами было привѣтствовано и вступленіе императора Александра Павловича на престолъ. Когда вѣра въ лучшее будущее могла быть болѣе основательна? На престолъ самодержцевъ вступилъ любимый внукъ Екатерины, юноша прекрасный собою, рыцарски-вѣжливый и привѣтливый съ послѣднимъ изъ людей. Съ первыхъ же шаговъ новаго царствованія всѣ могли убѣдиться, что молодой государь исполненъ человѣколюбія, исполненъ желанія добра. Самъ Александръ съ довѣріемъ смотрѣлъ на будущее, онъ чувствовалъ свои силы и надѣялся на нихъ. Умѣренность въ государственныхъ расходахъ, вѣчный миръ—вотъ была его первая мысленная заповѣдь царствованія; но программа его была шире. Во все свое царствованіе императоръ Александръ Павловичъ никогда не довольствовался только распоряженіями текущихъ дѣлъ, ближайшими рѣшеніями, политикою случаевъ; но всегда его дѣйствія были проникнуты тою или другою идеею. Такую господствующую идею онъ не только понималъ разумомъ, но чувствовалъ сердцемъ, отдавался ей всѣмъ существомъ своимъ. По общему отзыву, онъ былъ человѣкъ впечатлительный; но никто въ то же время не отвергаетъ его самостоятельности. Что же значитъ эта впечатлительность? Онъ чувствовалъ живѣе, сильнѣе и глубже, чѣмъ обыкновенные люди; иными словами, его природа была даровитѣе, чѣмъ природа обыкновенныхъ людей. Идеею начала его царствованія была *законность*, соединенная съ возможно-бо́льшею *свободою*, съ гуманностью. Онъ хотѣлъ достигнуть того, чтобы всѣ государственныя

учрежденія, высшія и низшія, и всѣ слуги закона не отступали отъ закона ни въ чемъ, чтобы сила закона была утверждена прочно и непоколебимо. Онъ хотѣлъ, чтобы народъ, облегченный отъ лежавшихъ на немъ тягостей, началъ жизнь болѣе согласную съ человѣческимъ достоинствомъ. Онъ хотѣлъ устранить лишнія преграды, стѣснявшія жизнь общества; уничтожить въ законахъ слѣды жестокости стараго времени. Александръ былъ еще молодъ и неопытенъ: онъ представлялъ себѣ задачу легче, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Когда онъ началъ проводить свою идею въ жизнь, онъ встрѣтилъ безконечныя и безчисленныя препятствія. Живѣе и сильнѣе всѣхъ чувствовалъ онъ самъ скорбь и разочарованіе, когда оказывалось, что сила инерціи, лежавшая въ старомъ порядкѣ, страшно велика, что ее трудно одолѣть указами, что для успѣха надобны многіе годы, многіе десятки лѣтъ. Александръ отъ души ненавидѣлъ крѣпостное право, не помирился съ нимъ всю жизнь; но онъ оставался одинъ со своимъ желаніемъ уничтожить рабство народа. „Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ“. Многіе лучшіе люди изъ современниковъ Александра были рѣшительными противниками уничтоженія крѣпостнаго права. Шишковъ, человѣкъ добрый и благородный, не бравшій никакого оброка и никакой барщины со своихъ крестьянъ, мечталъ о сыновней любви крестьянъ къ помѣщику и съ сожалѣніемъ отмѣчалъ въ своихъ запискахъ: „Сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права“. Императоръ Александръ сдѣлалъ однако все, что могъ: онъ разъ навсегда съ самаго начала царствованія прекратилъ раздачи населенныхъ имѣній, то-есть дальнѣйшее распространеніе рабства въ народѣ, побудилъ нѣмецкихъ помѣщиковъ Прибалтійскаго края къ облегченію зависимости крестьянъ, побудилъ и нѣкоторыхъ богатыхъ русскихъ людей установить условія выкупа крестьянъ, указалъ возможность выхода изъ крѣпостнаго права установленіемъ особаго сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ. Не остались напрасными и другія старанія государя къ облегченію подданныхъ. Была уничтожена тайная экспедиція; провозглашено уничтоженіе самаго имени пытки; уничтожено тѣлесное наказаніе для лицъ духовнаго званія; былъ дозволенъ свободный въѣздъ въ Россію и выѣздъ за границу. Несомнѣнно, что при Александрѣ I жить было несравненно легче, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія: для общества облегченіе было осязательно. Государь, желавшій установить царство закона, долженъ былъ обратить вниманіе на приведеніе въ порядокъ и на улучшеніе законовъ: была учреждена коммисія для составленія законовъ; но работы ея

шли медленно. Высшая администрація была преобразована учрежденіемъ министерствъ, въ числѣ которыхъ является *министерство народнаго просвѣщенія*. Для народнаго просвѣщенія было сдѣлано въ началѣ царствованія много: были преобразованы три университета, московскій, виленскій и дерптскій, учреждены два новыхъ, казанскій и харьковскій. Нашъ университетъ былъ учрежденъ во вторую половину царствованія. Отъ казны были опредѣлены значительныя суммы на учрежденіе высшихъ и низшихъ школъ; частными людьми были на тотъ же предметъ сдѣланы большія пожертвованія. — Государь строго соблюдалъ бережливость отъ начала до конца своего царствованія; онъ никогда не любилъ пышности, а въ первые годы находили даже, что онъ чрезмѣрно удаляется отъ всякаго блеска царскаго, что онъ слишкомъ простъ и скроменъ. Но судьба не дала Александру исполнить первыхъ мыслей его царствованія: онъ не могъ предупредить увеличенія государственныхъ расходовъ и не могъ сохранить мира. Внѣшнія дѣла скоро потребовали всего вниманія Александра и отвлекли его отъ дальнѣйшихъ преобразованій. Онъ долженъ былъ воевать десять лѣтъ сряду; ему пришлось выдержать гигантскую борьбу съ тиранномъ Европы.

Революція, разразившаяся надъ Франціею, довела возбужденіе французскаго народа до высокой степени и придала ему небывалыя силы. Революція естественно перелилась черезъ край, разлилась и на сосѣднія страны. Она была не только опасна для европейскихъ монарховъ распространеніемъ своихъ идей, но и прямо дѣйствовала наступательно, вынудила къ борьбѣ съ нею. Французскія войска, вступая въ сосѣднія земли, провозглашали свободу и равенство, но въ то же время захватывали страну подъ власть Франціи. Первые быстрые успѣхи неопытныхъ войскъ республики были непрочны. За вторженіемъ французовъ въ Бельгію и на Майнъ послѣдовало вторженіе союзниковъ въ сѣверную Францію. Борьба европейскихъ державъ противъ Франціи шла съ перемѣннымъ счастьемъ, пока продолжалась революціонная горячка внутри Франціи. Лѣтомъ 1794 года, во время самыхъ сильныхъ конвульсій террора, французскія войска, обучившіяся наконецъ военному искусству, начали шагъ за шагомъ вытѣснять союзниковъ изъ сѣверной Франціи и занимать Бельгію, на этотъ разъ уже прочно. Послѣ перелома болѣзни, переживъ тяжкое время тюрьмы и гильотины, Франція желала соединить свободу съ внутреннимъ миромъ и обратила всю свою энергію на одолѣніе внѣшнихъ враговъ. Вожди и войска, узнавъ о сверженіи парижскихъ тирановъ, вздохнули свободно; они стыдились даннаго врагами пре-

зрительнаго прозвища „солдатъ Робеспьера“. Зная, что теперь голова, уцѣлѣвшая на войнѣ, безопасна отъ революціоннаго ножа, съ новыми надеждами нападали они на союзниковъ. Война продолжалась, и война родила *человѣка войны*, явилась на землѣ въ образѣ молодаго офицера съ мрачнымъ взглядомъ и огненными рѣчами, успѣвшаго отличиться въ Тулонѣ и толковавшаго постоянно о походѣ въ Италію. Новые правители Франціи, свергнувшіе энтузіастовъ революціи, были люди мелкіе, желавшіе прежде всего во что бы то ни стало удержать власть и жить во свое удовольствіе. Они испытали усердіе и находчивость этого корсиканскаго офицера во время новаго возстанія въ Парижѣ. Пушки показывались на улицахъ Парижа для устрашенія и въ прежнихъ мятежахъ; но Бонапарте первый сталъ палить изъ пушекъ въ собравшійся народъ, и этотъ новый способъ подѣйствовалъ быстро и рѣшительно. Правители послали его въ Италію, и генералы, которые всѣ были старше его и теперь попали подъ его команду, „увидѣли сразу, что нашли своего господина“, какъ выразился одинъ изъ нихъ. Чудеса начались въ Италіи: новый вождь одерживалъ побѣду за побѣдой, уничтожилъ въ одну кампанію пять непріятельскихъ армій, овладѣлъ сѣверною Италіею, заставилъ итальянскія правительства подчиниться республикѣ французской. Его успѣхи побудили, наконецъ, Екатерину II рѣшиться на дѣятельную помощь Австріи противъ французовъ. Кончина императрицы отсрочила походъ русскихъ войскъ на западъ. Участіе Россіи въ дѣлахъ западной Европы стало возможнымъ и удобнымъ, а вслѣдствіе того и неизбѣжнымъ, со времени переворота, произведеннаго въ нашей жизни Петромъ Великимъ. Сначала Петръ объѣздилъ Европу, чтобы учиться; а потомъ войска Петра сражались въ Мекленбургѣ, Голштиніи и Шлезвигѣ. Взгляды преемниковъ Петра на дѣла Европы мѣнялись; но естественность и легкость вмѣшательства неизбѣжно приводили къ нему русскія правительства самыхъ разныхъ взглядовъ и направленій. Европейскія государства привыкли считать силу Россіи въ числѣ политическихъ факторовъ и старались пріобрѣсти расположеніе и помощь Россіи. Елизавета приняла дѣятельное участіе въ семилѣтней войнѣ. Павелъ I отмѣнилъ посылку корпуса на помощь австрійцамъ и высказалъ рѣшительное нежеланіе вмѣшиваться въ дѣла Европы. Но въ тоже царствованіе въ 1799 году русскія войска сражались въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи противъ французовъ. — Совершенно мирныя намѣренія относительно Европы имѣлъ императоръ Александръ; но точно также былъ обстоятельствами вынужденъ къ вооруженному вмѣшательству.

Верховная власть во Франціи при вступленіи Александра на престолъ уже принадлежала генералу Бонапарте. Большинство французскаго народа было довольно переворотомъ восемнадцатаго брюмэра; народъ не могъ имѣть никакой привязанности къ директорамъ, пользовавшимся незаслуженною властью, потерявшимъ плоды побѣдъ Бонапарте. Когда Бонапарте вернулся изъ Египта, народъ южной Франціи кричалъ ему: „будь нашимъ королемъ!“ Этотъ самый народъ за нѣсколько лѣтъ раньше посылалъ въ Парижъ самыхъ яростныхъ защитниковъ революціи. Итакъ, настроеніе Франціи измѣнилось, Франція устала, и власть захватилъ въ свои крѣпкія руки непобѣдимый полководецъ, который одинъ разъ доставилъ уже своими побѣдами славный миръ. Опять начались побѣды, и опять былъ заключенъ славный миръ. На этотъ разъ миръ былъ заключенъ на сушѣ и на морѣ. Но прочный миръ былъ невозможенъ. Сѣмя войны росло и росло. Революціонными войнами былъ разрушенъ гнилой порядокъ старой западной Европы; были сметены съ лица земли десятки и сотни слабыхъ владѣній, остатковъ среднихъ вѣковъ. Возникало множество вопросовъ, какъ устроить и кому отдать ту и ту землю. И во всѣхъ этихъ вопросахъ французскій полководецъ и властитель хотѣлъ имѣть рѣшающій голосъ, всѣ спорныя земли хотѣлъ забрать себѣ или поставить въ зависимость отъ себя. За всякое противорѣчіе онъ грозилъ войною. Насиліе было во всѣхъ дѣйствіяхъ этого недавняго миротворца, насиліе въ его рѣчахъ, и на одну грубую силу разсчитаны были и всѣ созданія его мыслей. Многое въ природѣ этого человѣка напоминаетъ людей древняго времени. Онъ какъ-бы слишкомъ поздно явился на свѣтъ со своего полудикаго острова. Въ началѣ XIX вѣка въ цивилизованной Европѣ уже не умѣли презирать до такой степени родъ человѣческій, не умѣли строить такихъ грубыхъ коварствъ, какъ бы взятыхъ изъ древнихъ греческихъ сборниковъ анекдотовъ о военныхъ хитростяхъ, не умѣли и лгать такъ ужасно, какъ лгалъ этотъ человѣкъ. И по великимъ дарамъ природы своей не похожъ онъ былъ на людей новаго времени. Смѣлость, новизна и громадность его иниціативы, стальная энергія въ исполненіи, неутомимая настойчивость въ преодолѣніи всѣхъ препятствій, ясность взгляда и быстрота рѣшенія при всякомъ стеченіи обстоятельствъ — таковы качества геніальнаго полководца, которыми Наполеонъ далеко оставляетъ за собою всѣхъ вождей новаго времени и напоминаетъ Александра македонскаго, Аннибала и Цезаря. Какъ Цезарь, онъ хотѣлъ имѣть не только верховную власть, но и вѣнецъ верховной власти. Узнавъ, что есть физическая возмож-

ность схватить французскаго принца королевской крови, одного изъ соперниковъ своихъ, онъ послалъ въ мирное время на чужую землю солдатъ, схватилъ и умертвилъ принца, такъ, какъ сдѣлали бы на его мѣстѣ Димитрій Поліоркетъ или Пирръ. И послѣ этого кроваваго дѣла онъ заставилъ гордаго римскаго первосвященника пріѣхать въ Парижъ и выхватилъ изъ его рукъ вѣнецъ императора. Никакому правительству папа не уступалъ столько, сколько уступалъ этому возстановителю алтарей, бывшему грозному республиканскому генералу, взявшему за 8 лѣтъ до того со святаго отца контрибуцію деньгами и рукописями Ватикана.

Смирить этого неукротимаго властителя, избавить отъ него Европу — вотъ была идея, достойная человѣколюбиваго монарха Россіи. Александръ вступилъ въ союзъ съ Австріей и Англіей и началъ въ 1805 году борьбу съ Наполеономъ. Интересъ всей Европы требовалъ этой борьбы; но не вся Европа соединилась противъ Наполеона. Несмотря на всѣ усилія, Александръ не могъ присоединить къ союзу Пруссію. Пруссія предпочла сохранить свой *худой миръ* съ Франціею, продолжавшійся уже десять лѣтъ. — Тяжелыя разочарованія ожидали императора Александра и во внѣшнихъ дѣлахъ. Александръ не боялся славнаго противника: онъ надѣялся на мужество русскихъ войскъ, доселѣ всегда побѣдоносныхъ; имѣлъ полное право надѣяться на силы Австріи, великой континентальной державы. Но передовая австрійская армія была окружена и взята въ плѣнъ Наполеономъ въ началѣ кампаніи. Наши войска должны были отступать передъ всею непріятельскою арміею, обратившеюся на нихъ. Отразивъ преслѣдовавшаго непріятеля во всѣхъ схваткахъ, Кутузовъ, генералъ славнаго екатерининскаго вѣка, соединился въ Моравіи съ значительными подкрѣпленіями, приведенными самимъ государемъ. Въ сраженіи при Аустерлицѣ соединенныя русско-австрійскія войска исполняли планъ, составленный тѣмъ же самымъ австрійскимъ офицеромъ, которому принадлежали планы нѣсколькихъ прежнихъ неудачныхъ походовъ. Императоръ Александръ отзывался потомъ объ аустерлицской битвѣ: „я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе“. Наполеонъ нанесъ нашимъ войскамъ рѣшительное пораженіе, принудившее императора австрійскаго заключить миръ, а императора Александра Павловича возвратиться съ арміею въ Россію. — Въ слѣдующемъ году очередь дошла до Пруссіи. Она дорогою цѣною заплатила за то, что такъ долго въ бездѣйствіи смотрѣла на германское разоренье. Охваченная съ за-

пада и съ юга страшнымъ сосѣдомъ, который становился со дня на день сильнѣе, грознѣе и ближе, который то ласкалъ и дарилъ чужія земли, то грозилъ совершеннымъ истребленіемъ, и одинаково оскорблялъ и дарами и угрозами, Пруссія, призвавъ императора Александра на помощь, бросилась съ закрытыми глазами на врага, приводившаго ее въ ужасъ. Гибель была уже готова, армія прусская съ первыхъ шаговъ была захвачена въ петлю, разбита совершенно, преслѣдована безъ отдыха и сдалась вся. Пруссія осталась безоружною, почти вся страна была покорена вмѣстѣ со столицею и съ крѣпостями. Война легла во второй разъ всею своею тяжестью на русское войско, успѣвшее подойти только къ прусской границѣ. Императоръ Александръ, въ виду приближенія Наполеона къ границамъ Россіи, въ концѣ 1806 года издалъ манифестъ о народномъ ополченіи. Въ Пруссіи вся страна покорилась послѣ уничтоженія арміи. Чтобы не было и мысли ни о чемъ подобномъ, Александръ рѣшилъ призвать въ случаѣ нужды 600,000 человѣкъ, поднять весь народъ. — Въ восточной части тогдашняго прусскаго государства Наполеонъ нашелъ союзника — польскій народъ, имя котораго было уничтожено на картахъ Европы. Эмигранты польскіе давно служили въ войскахъ Наполеона. Поляки встрѣтили его съ восторгомъ. Наполеонъ вступилъ въ Варшаву, принадлежавшую тогда пруссакамъ, и напалъ на русскихъ. Русскіе, оставленные своимъ командиромъ, раздѣленные на отряды безъ общаго плана и связи, подъ начальствомъ ссорившихся между собою генераловъ, опять безстрашно встрѣтили Наполеона, отразили съ успѣхомъ всѣ аттаки, остановили его побѣдоносное наступленіе. Затѣмъ была дана ужасная кровавая зимняя битва при Эйлау; въ первый разъ у непобѣдимаго полководца послѣ великой битвы не было никакихъ трофеевъ, ничего, кромѣ потоковъ крови; въ первый разъ Европѣ почудилась близость катастрофы неслыханнаго завоевателя. Но онъ преодолѣлъ настойчивостью и смѣлостью тяжелую пору. Онъ, вождь французскаго войска, зимовалъ на востокъ отъ Вислы, за тридевять земель по понятіямъ всякаго истаго француза. Императоръ Александръ усилилъ къ лѣту 1807 года свои войска, самъ отправился къ арміи на защиту друга своего, Фридриха-Вильгельма III, короля прусскаго, искавшаго со своимъ семействомъ спасенія за русскою арміею на краю своей земли. Между дѣтьми короля, поспѣшно увезенными изъ Берлина въ Мемель во время нашествія, былъ и десятилѣтній принцъ Вильгельмъ, нынѣ прославленный императоръ германскій, другъ нашего Государя Императора. Война продолжалась, наши войска дали

французамъ рядъ упорныхъ нерѣшительныхъ битвъ, изъ которыхъ одна была кровавымъ отраженіемъ нападенія Наполеона на нашъ лагерь. Наконецъ Наполеону удалось привести нашу армію въ опасное положеніе при Фридландѣ и нанести ей пораженіе почти двойнымъ превосходствомъ въ силахъ. Послѣ битвы при Фридландѣ императоръ Александръ получилъ донесенія, въ которыхъ положеніе арміи представлялось въ преувеличенно-бѣдственномъ видѣ. Всѣ генералы арміи и большая часть близкихъ къ Александру людей нетерпѣливо желали мира, думали, что Россія приноситъ въ этой войнѣ огромныя жертвы ради чужихъ интересовъ. Императоръ Александръ, посылая князя Лобанова-Ростовскаго въ русскій лагерь, чтобы вступить, въ случаѣ нужды, въ переговоры съ Наполеономъ, писалъ генералу Беннигсену: „вы можете посудить, сколь тяжко мнѣ рѣшиться на такой поступокъ“. Наша армія отступила за Нѣманъ. Она не подвергалась непосредственной опасности, сраженіе при Фридландѣ не поколебало ея мужества, потери могли быть возмѣщены; но въ лагерѣ русскомъ сочли все-таки благоразумнымъ воспользоваться даннымъ отъ государя разрѣшеніемъ начать переговоры. Французы съ радостью взяли протянутую имъ руку. Посланный императора Александра объявилъ, что всякое оскорбительное для Россіи предложеніе будетъ отвергнуто: но его увѣрили, что и въ мысли нѣтъ предлагать Россіи что-либо оскорбительное. Наполеонъ для заключенія перемирія потребовалъ было, какъ онъ дѣлывалъ въ подобныхъ случаяхъ, сдачи трехъ прусскихъ крѣпостей, Пиллау, Грауденца и Кольберга; но императоръ Александръ зналъ вѣрное средство склонить Наполеона на перемиріе безъ всякихъ такихъ уступокъ. Онъ велѣлъ отвѣчать, что не отдастъ чужихъ крѣпостей, но что готовъ заключить миръ, если будетъ немедленно заключено перемиріе. И Наполеонъ тотчасъ отказался отъ своего требованія, такъ какъ самый великій выигрышъ былъ для него миръ съ могущественнымъ сѣвернымъ монархомъ, верховнымъ вождемъ этихъ малоразвитыхъ въ тактическомъ отношеніи войскъ, которыхъ однако нельзя было устрашить никакими ударами и приходилось вытѣснять изъ средней Европы съ такимъ ужаснымъ кровопролитіемъ. Послѣдовало знаменитое свиданіе Александра съ Наполеономъ на рѣкѣ Нѣманѣ, потомъ частыя другія свиданія, и заключенъ Тильзитскій миръ.

Важность тогдашняго кризиса, важность рѣшеній, зависѣвшихъ отъ Александра и Наполеона, поразительное несходство обоихъ характеровъ придаютъ этимъ свиданіямъ трагическій интересъ. Какія безчисленныя, какія ядовитыя и какія нелѣпыя обвиненія обруши-

лись тогда, бросаются и до сихъ поръ за Тильзитскій миръ на свѣтлую личность императора Александра! Тильзитскій миръ былъ совершенно необходимъ, былъ единственнымъ спасеніемъ для Пруссіи. Россія могла бы, конечно, сохранить неприкосновеннымъ и для себя сохраненное Англіею гордое преимущество не мириться съ Наполеономъ, не признавать его титуловъ, императора французовъ, короля Италіи, называть до конца генераломъ Бонапарте. Стоило только поступать такъ, какъ поступала тогда Англія: бросить союзниковъ безъ всякой помощи. Отъ Англіи невозможно было добиться никакой диверсіи на сѣверѣ Германіи; свои субсидіи отмѣривала она скупо, съ оскорбительною медленностью, съ оскорбительными условіями, въ то время какъ русскіе воины погибали десятками тысячъ за союзниковъ. Россіи не угрожала никакая опасность: Наполеонъ не могъ и думать въ 1807 году о вторженіи въ Россію, когда онъ только крайнимъ напряженіемъ силъ и крайнимъ рискомъ довелъ до успѣшнаго конца длинную, опасную и изнурительную кампанію. Если бы миръ не былъ заключенъ, Наполеонъ остался бы въ покоренной Пруссіи и просто уничтожилъ бы ее въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ, разорвалъ бы ее на части. Русская армія не была въ состояніи вытѣснить его оттуда. Въ положеніи императора Александра, при полной пассивности Австріи и Англіи, хотѣть спасти Пруссію значило *хотѣть* мира съ Наполеономъ. А Наполеонъ не мирился иначе, какъ предлагая тѣсную дружбу и союзъ.

Нелегкое дѣло было вести переговоры съ Наполеономъ. Наполеонъ напалъ на императора Александра съ первыхъ же словъ всѣми хитростями и коварствами, на которыя онъ былъ такой мастеръ. Неслыханный завоеватель, побѣдитель въ десяткахъ битвъ льстилъ нашему государю, предлагалъ искреннюю дружбу, развивалъ пышную картину успѣховъ и величія. Всѣ переговоры ведены, всѣ рѣшенія приняты двумя императорами при личныхъ свиданіяхъ. При такихъ переговорахъ особенно легко было попасть въ сѣти, разставляемыя Наполеономъ на каждомъ шагу. Впечатлѣніе личности Наполеона на живую натуру Александра было велико. И все-таки тонкій умъ Александра выдержалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ эти испытанія, эту опасную борьбу съ лукавѣйшимъ изъ людей. Рѣшиться на миръ съ Наполеономъ было тяжело, но, разъ признавъ необходимость мира для спасенія союзниковъ, Александръ желалъ честно испытать возможность мира и союза съ Наполеономъ. Совершенная перемѣна русской политики была вслѣдствіе этого необходима. Эта перемѣна, этотъ союзъ съ Наполеономъ естественно возбудили общее неудоволь-

ствіе въ порабощенной или безсильной Европѣ, возбудили тяжкое неудовольствіе и русскаго общества. Говорили, что честь Россіи затронута, что Россія подчинилась Наполеону. Ничего подобнаго не было: Россія и въ явныхъ и въ тайныхъ статьяхъ договора стоитъ въ совершенномъ равенствѣ съ побѣдоносною Франціею. Наполеонъ открыто принялъ посредничество Александра для примиренія съ Англіею: Александръ открыто принялъ посредничество Наполеона для примиренія съ Турціею. Въ тайныхъ статьяхъ Александръ обязался, въ случаѣ неудачи своего посредничества, разорвать сношенія съ Англіею, воевать съ Швеціею, если та не прекратитъ сношеній съ Англіею; въ то же время Наполеонъ обязался, въ случаѣ неудачи своего посредничества, „избавить, въ союзѣ съ Александромъ, отъ ига и притѣсненій турокъ всѣ провинціи оттоманской имперіи въ Европѣ, кромѣ города Константинополя и провинціи Румеліи“. Тяжело и неудобно было Александру прекращать сношенія съ Англіею; но точно также тяжело и неудобно было Наполеону помогать разрушенію турецкой имперіи, и въ послѣдствіи онъ всячески старается выпутаться изъ этого обязательства; и это обязательство постоянно встрѣчается въ дальнѣйшихъ переговорахъ нашихъ съ Наполеономъ и служитъ противъ него дипломатическимъ оружіемъ. Пруссія потеряла много земель, заплатила много денегъ: Гарденбергъ въ письмѣ королю жестоко упрекаетъ императора Александра. Но Гарденбергъ разсчитывалъ, послѣ безпримѣрнаго, полнаго пораженія и послѣ занятія непріятелемъ всей Пруссіи, выйти изъ войны еще съ прибавкою земли. Въ параллель къ такимъ нелѣпымъ надеждамъ слѣдуетъ вспомнить, что Наполеонъ, когда прусскіе послы произнесли имя Гарденберга, топнулъ ногою и сказалъ: „не хочу знать Гарденберга и готовъ вести войну еще сорокъ лѣтъ, чтобы не допустить его къ переговорамъ“. По крайней мѣрѣ, Пруссія не была принуждена вступить въ Рейнскій Союзъ, что безъ помощи Россіи навѣрно случилось бы.—Изъ отнятыхъ отъ Пруссіи польскихъ земель Наполеонъ составилъ независимое герцогство Варшавское, которое могло сдѣлаться зерномъ возстановленія Польши.

Если Александръ былъ увлеченъ личностью Наполеона, то только на минуту. Александръ очень скоро увидѣлъ, что довѣрять Наполеону невозможно. Но борьба съ Наполеономъ требовала особыхъ, необычайныхъ, неслыханныхъ усилій. Въ былое время двѣнадцать тысячъ русскихъ господствовали во всемъ польскомъ государствѣ, отъ Познани до Днѣпра. Екатерина вела войны съ весьма умѣренными цифрами войскъ. Прежнія войны въ Европѣ были, вообще говоря, мало крово-

пролитны, тянулись долго. Въ войнахъ противъ Наполеона эти дорогія войска, собранныя съ такимъ напряженіемъ всѣхъ силъ государства, таяли въ энергичной борьбѣ, разрушались подъ тяжкими и быстрыми ударами. Войны со времени Наполеона стали продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ вмѣсто нѣсколькихъ лѣтъ. Расходъ на людей принялъ ужасающіе размѣры. Итакъ, было о чемъ задуматься, прежде чѣмъ рѣшиться на новую борьбу съ Наполеономъ. Императоръ Александръ принялъ твердыя рѣшенія: исполнять по возможности точно договоръ съ Наполеономъ, избѣгать ссоры съ нимъ и въ то же время воспользоваться уроками 1805, 6 и 7 годовъ для лучшаго устройства и усиленія арміи.

Но время между первою и второю борьбою съ Наполеономъ не было для Россіи временемъ мира. Россія воевала съ Турціею и Швеціею, и обѣ эти войны были устроены Наполеономъ.

Война императора Александра Павловича съ Турціею не могла имѣть такого всемірно-историческаго значенія, какъ другія русско-турецкія войны, потому что надъ Европою и надъ Россіею тяготѣла тогда наполеоновская гроза.

Эта война шла съ перерывами, тянулась долго, съ 1806 до 1812 года; иногда на театрѣ военныхъ дѣйствій возможно было оставить только незначительныя силы; по условіямъ разстоянія, мѣстности и по свойствамъ обоихъ народовъ, эта война, какъ и всякая другая русско-турецкая, подвигалась медленно. Борьба была ознаменована подвигами храбрости, кровопролитными штурмами. Она все-таки была новымъ шагомъ Россіи къ освобожденію христіанскихъ народовъ отъ ига Турціи. Русскія войска въ первый разъ явились тогда въ Сербіи, гдѣ были встрѣчены какъ братья. Съ того времени начинается возстаніе сербовъ, которое послѣ длинной кровавой борьбы, послѣ многихъ бѣдствій, привело, наконецъ, къ освобожденію части сербскаго народа. Миръ съ Турціею былъ счастливо заключенъ передъ самымъ вторженіемъ Наполеона въ Россію и доставилъ Россіи всю страну отъ Днѣстра до Прута и устьевъ Дуная.

Война съ Швеціею была очень непопулярна въ русскомъ обществѣ, хотя результатъ ея былъ весьма важный: пріобрѣтеніе Финляндіи, съ превосходною крѣпостью Свеаборгомъ,—пріобрѣтеніе, совершенно необходимое для защиты Петербурга. Покореніе Финляндіи, кусокъ за кускомъ, началось съ Петра Великаго; при императорѣ Александрѣ Россія достигла самой лучшей и естественной границы съ Швеціей, рѣки Торнео, впадающей по срединѣ сѣвернаго берега Ботническаго залива. Такимъ образомъ, море раздѣлено между западнымъ и восточ-

нымъ сосѣдями пополамъ, и русскій народъ заключилъ навсегда свои тысячелѣтніе счеты съ храбрымъ и симпатичнымъ шведскимъ народомъ.

Итакъ, императоръ Александръ и во время вынужденнаго необходимостью и тяжелаго союза съ Наполеономъ умѣлъ вести политику національную, достигъ пріобрѣтеній, совершенно согласныхъ съ интересомъ Россіи.

Между тѣмъ, Наполеонъ продолжалъ свои захваты, развивалъ до колоссальныхъ размѣровъ свою имперію. Онъ началъ завоеваніе Испаніи, встрѣтилъ тамъ неожиданно-значительное сопротивленіе народа, рѣшилъ самъ взять команду и передъ походомъ въ Испанію хотѣлъ укрѣпить союзъ съ Александромъ. Произошло свиданіе въ Эрфуртѣ, гдѣ главѣ русскаго народа была воздана вся подобающая честь. Александръ достигъ того, что французскія войска очистили Пруссію, и бремя контрибуціи, наложенной на Пруссію, было нѣсколько уменьшено. Положеніе Европы было тяжко и непрочно: Александръ видѣлъ теперь въ союзѣ съ Наполеономъ средство выждать время, дать пройти бурѣ, уменьшить бѣдствія Европы.

Въ 1809 году Австрія еще разъ попытала счастья въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ тайныхъ переговорахъ Александръ не совѣтовалъ австрійцамъ воевать съ Наполеономъ, говорилъ, что еще не пришло время. Внимательно смотря на своего прежняго врага и новаго союзника, Александръ изучалъ его. Взглядъ Александра становился шире и вѣрнѣе; онъ сталъ понимать положеніе дѣлъ лучше, чѣмъ кто-либо въ Европѣ. Онъ видѣлъ, что всякая борьба съ колоссальными силами Наполеона въ центрѣ Европы безнадежна. Единственный путь, единственный способъ свергнуть гиганта началъ уже представляться уму Александра, сначала въ общихъ чертахъ, а потомъ все яснѣе и яснѣе. Австрія начала наступательную войну, скоро принуждена была перейти къ оборонѣ, и хотя защищалась храбро, была побѣждена, принижена, отрѣзана отъ моря. По союзному договору съ Наполеономъ Александръ объявилъ войну Австріи, но только для формы. Неприлично было бы русскимъ войскамъ помогать европейскому тирану, и русскіе ни въ эту войну, ни раньше, когда адмиралъ Сенявинъ былъ у Лиссабона, не сдѣлали ни одного выстрѣла въ тѣхъ, кто сражался противъ Наполеона. Если бы Александръ, прямо нарушивъ договоръ съ Наполеономъ, сталъ помогать австрійцамъ, результатъ вышелъ бы все равно тотъ же самый. Наполеонъ вывелъ бы только всѣ войска изъ Испаніи и раздавилъ бы Австрію, а нашу армію опять вытѣснилъ бы изъ средней Европы.

Между Эрфуртомъ и 1812 годомъ лежитъ дѣятельность Сперанскаго. Государь взялъ Сперанскаго, отличавшагося богатыми дарованіями и неподкупною честностью, изъ самаго незначительнаго положенія и далъ ему огромное вліяніе на дѣла. Сперанскій неутомимо и успѣшно работалъ, и многое изъ его дѣлъ осталось и имѣло вліяніе на дальнѣйшую внутреннюю жизнь Россіи. Ему принадлежитъ учрежденіе государственнаго совѣта, стараніе поднять уровень образованія чиновниковъ. Общество русское ненавидѣло Сперанскаго, который имѣлъ три недостатка: былъ незнатнаго происхожденія, заставлялъ всѣхъ работать и былъ сторонникомъ союза съ Наполеономъ. Государю со всѣхъ сторонъ клеветали на Сперанскаго, и неосторожность самого Сперанскаго помогла его врагамъ. Въ мартѣ 1812 года государь повѣрилъ, наконецъ, обвиненіямъ, сыпавшимся со всѣхъ сторонъ. Сперанскій былъ отставленъ и сосланъ. Паденіе Сперанскаго встрѣчено было радостью русскаго общества: его считали измѣнникомъ и говорили, что его ссылкою одержана первая побѣда надъ французами. Даже нѣмецкіе патріоты, ожидавшіе спасенія Европы отъ Россіи, радовались паденію Сперанскаго.

Послѣ войны 1809 года быстрыми шагами пошло дѣло къ послѣдней гигантской борьбѣ. Увлекаемый тѣми силами, какія онъ самъ привелъ въ движеніе, Наполеонъ не останавливался, но постоянно строилъ и разрушалъ государства, выкраивалъ себѣ новыя присоединенія, увеличивалъ военныя свои силы и приготовлялъ походъ на Россію. Онъ владычествовалъ уже надъ семидесятью милліонами людей, жителей лучшихъ странъ Европы. Эти богатыя цивилизованныя страны, съ густымъ населеніемъ, съ просвѣщенною и строго централизованною администраціею давали Наполеону возможность въ короткое время организовать и двинуть къ опредѣленнымъ пунктамъ огромныя массы войскъ. Наполеонъ готовился къ войнѣ съ Россіею, не имѣя никакого повода къ войнѣ. Уже въ 1810 году онъ публично произнесъ слѣдующія слова: „черезъ пять лѣтъ я буду владыкою міра; остается только Россія, но я раздавлю ее“. Причинъ ссоры между Наполеономъ и Александромъ могло быть много. Тотчасъ уже послѣ Тильзитскаго союза, и опять тотчасъ послѣ Эрфуртскаго начались несогласія по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, начались переговоры, принимавшіе характеръ раздраженія—о герцогствѣ Варшавскомъ, увеличенномъ въ 1809 году, о Молдавіи и Валахіи, о контрибуціяхъ Пруссіи, о континентальной блокадѣ, о русскомъ тарифѣ, о герцогствѣ Ольденбургскомъ. Переговоры тянулись нѣсколько лѣтъ, и за годъ до открытія военныхъ

дѣйствій на миръ не было никакой надежды. Эта продолжительность переговоровъ, необходимая Наполеону для его громадныхъ приготовленій, дала возможность и императору Александру приготовиться къ борьбѣ. Но несмотря на всѣ старанія Александра несоразмѣрность силъ осталась велика, казалась подавляющею. Императоръ Александръ сохранялъ неизмѣнно и высказывалъ прямо и всѣмъ, даже французскимъ посламъ, рѣшеніе свое не начинать войны, отражать на своей землѣ нападеніе Наполеона и защищаться до послѣдней крайности.—Пруссія боялась истребленія при самомъ началѣ войны и просила Александра сохранить миръ съ Наполеономъ. При видѣ неизбѣжности войны нѣкоторые приближенные хотѣли убѣдить короля поднять возстаніе въ Германіи противъ Наполеона и призвать на помощь Александра. Но король не рѣшался, и императоръ Александръ не обѣщалъ своей поддержки. Австрія и Пруссія заключили союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи и присоединили назначенное количество войскъ къ его арміи.—Съ боязнью, почти съ отчаяніемъ, смотрѣли на участь Россіи люди, сочувствовавшіе намъ. Государю говорили пруссаки, что собранная противъ Наполеона армія слишкомъ мала. „Какъ, вы считаете триста тысячъ русскихъ за ничто?“—отвѣчалъ государь. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ прусскихъ, Гнейзенау, былъ въ лагерѣ императора Александра въ Вильнѣ и не скрылъ отъ государя своихъ опасеній, что армія слишкомъ мала. Не надѣясь на средства Россіи, считая Россію бѣдною страною, Гнейзенау думалъ даже, что у насъ не хватитъ пороху и совѣтовалъ императору Александру попросить пороху, у англичанъ. „Нѣтъ, у насъ довольно“,—отвѣчалъ ему императоръ Александръ. Уѣхавъ въ Англію, Гнейзенау и оттуда въ разгарѣ войны двѣнадцатаго года писалъ Штейну, что у русскихъ, пожалуй, не хватитъ пороху. Въ этихъ преувеличенныхъ опасеніяхъ видна однако вѣрная мысль: матеріальныя средства Россіи были безъ всякаго сравненія и во всѣхъ частяхъ скуднѣе, чѣмъ средства Наполеона. Триста тысячъ русскихъ, вооруженныхъ, по словамъ императора Александра, для отраженія нашествія, были далеко не всѣ на западныхъ границахъ, далеко не всѣ обучены. Первое время, самое опасное время нашествія, должны были выдержать двѣсти тысячъ человѣкъ, раздѣленныхъ на три арміи. Въ числѣ этихъ двухсотъ тысячъ было много рекрутовъ, которыхъ ученіе едва было окончено. Между тѣмъ на Россію шло шестьсотъ тысячъ отборнаго, превосходнѣйшаго войска, составлявшаго цвѣтъ населенія западной Европы. Совершенно напрасно послѣ событія мелкіе критики упрекали и упрекаютъ Наполеона въ томъ,

что планъ похода на Россію былъ безуменъ. Въ томъ-то и была характеристическая особенность Наполеона, что онъ составлялъ планы колоссальныхъ, неслыханныхъ предпріятій, но въ то же время строго, математически обдумывалъ всѣ могущія встрѣтиться препятствія и соразмѣрялъ съ ними свои средства. Наполеонъ взвѣсилъ все: онъ зналъ до послѣднихъ мелочей составъ и число нашихъ армій, число возможныхъ подкрѣпленій, принялъ въ соображеніе огромныя разстоянія, трудность прокормить людей и лошадей, принялъ въ разсчетъ, что въ эту кампанію онъ будетъ каждый день гораздо больше тратить людей, чѣмъ въ другіе походы, и отъ храбрости враговъ и отъ трудностей всякаго рода. Имѣя шестьсотъ тысячъ, казалось вполнѣ вѣроятнымъ дойти до Москвы, по крайней мѣрѣ, съ двумястами тысячъ и на пути воспользоваться однимъ изъ тысячи случаевъ разбить малочисленныя русскія арміи. Онъ много разъ пересчитывалъ и провѣрялъ свои цифры: все выходило вѣрно. „Съ такими средствами мы пожремъ всѣ препятствія!“—восклицалъ онъ. — И наши три арміи были разставлены при началѣ похода на огромныхъ разстояніяхъ: не зная, откуда именно послѣдуетъ нашествіе, мы считали необходимымъ занять всю западную границу, отъ Россіенъ до Луцка, на пятьсотъ верстъ. Четыреста-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ ворвалось въ Россію въ первыя двѣ недѣли похода и на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Наша третья армія, Тормасова, стояла слишкомъ далеко на югѣ, такъ что четыре недѣли не имѣла никакого непріятеля передъ собою. Эти четыре недѣли пришлось ста-пятидесяти тысячамъ русскихъ держаться противъ четырехсотъ-пятидесяти тысячъ. Само собою разумѣется, нужно было отступать. Но во время отступленія могло быть множество случаевъ отдѣльныхъ катастрофъ; и отступать было трудно, потому что вторая армія, Багратіона, была отрѣзана отъ первой десятками тысячъ французовъ. Наконецъ, при началѣ отступленія даже отдѣльнымъ дивизіямъ приходилось собираться и уходить, сворачивая въ разныя стороны, чтобы избѣгнуть столкновеній съ безчисленными колоннами непріятельскими, вторгавшимися въ пространство между арміями Барклая-де-Толли и Багратіона, между рѣками Вилеей и Нѣманомъ.— Еслибъ какому-нибудь постороннему зрителю, военному человѣку, можно было обозрѣть въ точности положеніе французской и русской армій во второй половинѣ іюня 1812 года, онъ навѣрно сказалъ бы, что Россіи нѣтъ никакой надежды на спасеніе.

Война 1812 года представляетъ столько чрезвычайныхъ явленій, до такой степени отличается отъ всѣхъ другихъ войнъ, такъ пора-

жаетъ тайною сложныхъ причинъ результата, что люди науки признаютъ ее особенно поучительною. Но мало того: изъ примѣровъ 1812 года черпаютъ люди чужихъ народовъ не только ученіе для холоднаго ума, но и внушенія для сердца. Тотъ же Гнейзенау, когда до него поздно дошли поразительныя вѣсти о продолженіи и концѣ кампаніи, пишетъ своему другу: „наши времена созданы для того, чтобы показать, что важнѣе богатства, важнѣе счастья, важнѣе цивилизаціи, важнѣе генія—твердость характера“.— „Мы будемъ отбиваться, какъ русскіе въ двѣнадцатомъ году“,—много разъ говорили разныя общества во время вторженій; нѣсколько разъ и нашему поколѣнію приходилось слышать, какъ высказывалась такая рѣшимость печатью и обществомъ въ разныхъ странахъ: и конфедератами американскими въ 1862 году, и австрійцами въ 1866, и французами въ 70-мъ. Не забыто и никогда не будетъ забыто человѣчествомъ то, что́ сдѣлалъ русскій народъ въ отечественную войну. Что же скажемъ мы, русскіе? — Эта война для Россіи имѣла не политическое только значеніе: она была могущественнымъ орудіемъ движенія русской жизни, она породила цвѣтъ нашей литературы, тѣ могучіе, стальные стихи, эти роскошныя, полныя жизни и правды произведенія изящной прозы, которыя родились у насъ въ XIX вѣкѣ, и какихъ нѣтъ нигдѣ въ новѣйшихъ европейскихъ литературахъ. Двѣнадцатый годъ, безсознательно для насъ, воспиталъ насъ всѣхъ; еслибы истребить изъ исторіи двѣнадцатый годъ, то въ каждомъ изъ насъ истребилось бы нѣчто, вошедшее въ плоть и кровь нашу.

И потому самому намъ труднѣе всѣхъ вѣрно судить о двѣнадцатомъ годѣ. При этомъ намъ легко впасть въ крайность, въ которую естественно впадаютъ старинная наша оффиціальная исторія и всѣ отзывы современниковъ. Лица, послужившія отечеству въ двѣнадцатомъ году, возводились на недосягаемый пьедесталъ. Всякое изложеніе вѣроятныхъ ошибокъ или недостатковъ или колебаній принималось какъ оскорбленіе величества дѣятелей или величества самого народа. Но если люди двѣнадцатаго года были боги, намъ остается преклониться предъ ними, но они не могутъ быть намъ примѣромъ и останутся непонятными. Дѣло въ томъ, что они были люди, и люди „подобострастные намъ“, со всѣми нашими пороками и слабостями. И когда мы разсмотримъ ихъ дѣйствія, когда мы увидимъ, какъ они, поставленные въ безпримѣрное положеніе, бьются изо всѣхъ силъ, по крайнему своему разумѣнію, день и ночь заботятся о спасеніи войскъ, о спасеніи знамени русской земли, жертвуютъ всякій день своею жизнью—тогда мы будемъ любить ихъ.

Александръ ждалъ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ какъ избавленія отъ тяжелыхъ цѣпей. Разъ протянувъ руку тиранну, онъ считалъ своимъ долгомъ выпить до дна чашу наказанія за это примиреніе, необходимое въ свое время, но тяжкое для души Александра. Онъ положилъ не отступать отъ союза до тѣхъ поръ, пока самъ Наполеонъ не разорветъ союза передъ глазами Европы прямымъ и грубымъ насиліемъ. Теперь Александръ вздохнулъ свободно. Теперь онъ вернулся всей душой къ идеѣ борьбы противъ тиранна. Теперь яснѣе и яснѣе передъ глазами Александра представлялось возстаніе русскаго народа, борьба безъ перемирія и мира, борьба до истощенія всѣхъ средствъ, отступленіе до глубины страны. Онъ готовъ былъ пожертвовать своимъ вѣнцомъ, но не уступить; онъ представлялъ себя, въ случаѣ постоянныхъ пораженій, лишеннымъ своихъ столицъ, лишеннымъ войскъ, но все-таки продолжающимъ борьбу въ восточныхъ лѣсахъ за Волгой, среди вѣрнаго народа. И вмѣстѣ съ такою готовностью въ душѣ его поселилась надежда на успѣхъ. За возстаніемъ русскаго народа, за пораженіемъ и изгнаніемъ Наполеона, онъ уже видѣлъ возстаніе народовъ Европы, сверженіе тиранна. Онъ видѣлъ и созналъ это яснѣе всѣхъ и раньше всѣхъ. Онъ нашелъ слова, которыя отозвались въ сердцѣ каждаго русскаго.—„Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.—„Положено единожды и твердо, что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію“.—„Если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду по поясъ и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества“.—„Наполеонъ или я, я или онъ,—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня“.

Всѣ первыя предположенія наши о числѣ непріятеля, о порядкѣ военныхъ дѣйствій—оказались невѣрными; главный принятый планъ военныхъ дѣйствій—невозможнымъ. Передъ громаднымъ превосходствомъ непріятеля нужно было отступать, спасать арміи, соединять ихъ, увеличивать. Но всѣ эти тяжелыя и важныя разочарованія отступили на второй планъ, изгладились въ душѣ государя предъ шириною рѣшеній его и мѣръ, которыя онъ имѣлъ въ виду. Государь пріѣхалъ въ Москву, былъ встрѣченъ неописаннымъ восторгомъ народа, призвалъ всѣ сословія къ общему вооруженію, общимъ жертвамъ, и готовность народа превзошла его ожиданія. Знамя народ-

наго дѣла было поднято въ Москвѣ, на призывъ отозвалась вся Россія. Было назначено всеобщее ополченіе въ 16 губерніяхъ и огромный наборъ войска въ прочихъ. Были принесены огромныя для бѣдной страны денежныя пожертвованія.

Посмотримъ, какія прямыя слѣдствія для хода войны имѣли эти знаменитыя рѣшенія, этотъ взрывъ патріотизма. Замѣчательно то, что они не придали существенной матеріальной силы войску. Долгія, безконечныя недѣли, безконечные мѣсяцы смертельной борьбы прошли для арміи прежде, чѣмъ появились первыя дружины народнаго ополченія. Десять тысячъ ратниковъ московскаго ополченія стояли, вооруженные пиками, въ тылу русской арміи въ Бородинскомъ сраженіи и не принимали участія въ битвѣ. Ополченія сдѣлали весьма важное дѣло, оказали большія услуги, но только начиная съ конца сентября или съ октября 1812 года, когда главная страшная опасность уже миновала. Но народный восторгъ, подъемъ народнаго чувства сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ могла бы сдѣлать даже и значительная численная прибавка, даже и опытнаго войска. Онъ далъ нашимъ воинамъ несокрушимый духъ, полнѣйшее презрѣніе смерти, онъ далъ имъ нравственныя силы, которыя сдѣлали ихъ неодолимыми. Разберемъ всѣ военныя дѣйствія двѣнадцатаго года: мы увидимъ необычайное, небывалое явленіе. Мы изобразили положеніе армій на границѣ при началѣ кампаніи: изъ этого положенія наши полтораста тысячъ человѣкъ вышли цѣлыми, отступили, не потерявъ ни одного баталіона, ни одной роты, отбиваясь отъ арміи втрое сильнѣйшей. Во всѣхъ стычкахъ перваго періода войны наши войска одерживали верхъ, взяли, напримѣръ, цѣлую бригаду въ плѣнъ. Ни въ одномъ сраженіи у русскихъ не было сколько-нибудь значительныхъ потерь плѣнными.—Отступленіе продолжалось *тысячу верстъ*. Что́ бывало *всегда* съ западною европейскою арміею, если ей приходилось отступать триста верстъ къ ряду предъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ? Она приходила въ совершенное разстройство, разбѣгалась. умирала въ лазаретахъ или на дорогахъ, сдавалась. Отступленіе русскихъ войскъ продолжалось *тысячу* верстъ къ ряду предъ превосходнымъ непріятелемъ, и арміи остались *цѣлыми*, не потерявъ *почти ни одного человѣка, кромѣ убитыхъ и раненыхъ* въ битвахъ. Этому вѣрить нельзя, это *чудо*. Но это достовѣрнѣйшій фактъ, доказываемый достовѣрнѣйшими документами, не отвергаемый ни однимъ военнымъ историкомъ. Послѣ Смоленска наши войска шли назадъ только для того, чтобы выбрать поле сраженія для кроваваго разсчета съ врагомъ. Отступленіе теперь, послѣ пройденныхъ

семисотъ верстъ, не только не становится безпорядочнымъ, но принимаетъ еще болѣе правильный, медленный, размѣренный ходъ. Инициативу принимаетъ на себя *отступающая* армія, чего опять ни въ какихъ войнахъ не бываетъ.—По широкой московской дорогѣ тянется авангардъ непріятеля съ ранняго утра вслѣдъ за нами. Затѣмъ онъ останавливается выстрѣлами русской конной артиллеріи, стоящей въ выгодной позиціи: многочисленная конница защищаетъ эту артиллерію. Непріятель терпитъ уронъ, привозитъ, наконецъ, свою артиллерію, его пѣхота подходитъ, идетъ впередъ, несмотря на жестокія потери, начинаетъ обходить нашу позицію. Тогда наша конная артиллерія быстро отъѣзжаетъ назадъ, и непріятель въ нѣкоторомъ разстояніи дальше находитъ на дорогѣ приготовленный второй эшелонъ конной артиллеріи, встрѣчающій его такимъ же точно образомъ. Конница регулярная и казаки даютъ вѣсть обо всякой попыткѣ обхода. За нѣсколько часовъ до ночи сильный русскій арріергардъ останавливался уже въ наперед выбранной позиціи крѣпко, и этимъ указывалъ непріятелю, что сегодня больше ничего не будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы атаковать арріергардъ, надобно было привести значительный корпусъ войска, а для этого надобно было нѣсколько часовъ; а тутъ наступала ночь; а утромъ непріятель не находилъ никого на позиціи, и опять начиналъ подвигаться по большой московской дорогѣ до новаго эшелона конной артиллеріи.—Это отступленіе разрушало авангардъ непріятельскій и производило на непріятеля подавляющее впечатлѣніе. Лучшій полководецъ изъ маршаловъ Наполеона, Даву, обращалъ особенное вниманіе Наполеона на этотъ неслыханный способъ отступленія.

Согласно съ общимъ желаніемъ войска и народа государь послалъ Кутузова принять команду надъ арміею и дать желанную битву. Битва была, наконецъ, дана, такая битва, какой не было ни раньше, ни послѣ. На тѣсномъ пространствѣ боролись другъ съ другомъ двѣ арміи, во сто тысячъ слишкомъ каждая, буквально такъ, какъ борются два человѣка, которые бросились бы другъ на друга съ ножами въ рукахъ. Въ десять часовъ было убито и ранено до *восьмидесяти тысячъ* человѣкъ. Русскіе и французы взяли другъ у друга только по нѣскольку сотъ плѣнныхъ. Русская армія потеряла *половину* своего состава, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. И остальная половина сохранила свой неугасимый душевный жаръ въ той же степени и готова была тотчасъ опять вступить въ бой.—Да этого никогда не бываетъ. Да этому быть нельзя, это—*чудо*. И однако это было, совершенно достовѣрно, внѣ всякаго сомнѣнія.

Во время отступленія отъ Бородинскаго поля до Москвы эта оставшаяся половина отступала опять такъ же точно, какъ до Бородинскаго поля, останавливая на всякомъ шагу непріятеля. Тутъ уже не храбрость, тутъ было нѣчто высшее, чѣмъ храбрость.

Непріятель подходитъ къ Москвѣ, и удивляется тому, что не явилось депутатовъ отъ города просить пощады, и вся Европа удивляется этому до сихъ поръ. Но русскій народъ не обратилъ даже вниманія на это: само собою разумѣется, что депутатовъ не будетъ. Непріятель входитъ въ Москву, но Москва была оставлена своими жителями такъ точно, какъ первая встрѣчная деревня на дорогѣ. Москва сгорѣла вся такъ точно, какъ горятъ деревни, по которымъ идутъ войска. Разсуждаютъ о томъ, какой матеріальный вредъ принесло французамъ оставленіе и сожженіе Москвы; и ученые историки приходятъ къ такому выводу, что никакого вреда: запасы провіанта не сгорѣли, стотысячная французская армія отдохнула въ Москвѣ. Совершенно вѣрно: никакого прямаго матеріальнаго вреда. Но оно отняло душу у французской арміи, потому-что армія *деморализовалась*, потеряла дисциплину: грабила, не отдавала военной чести ни генераламъ, ни императору. Оставленіе и пожаръ Москвы были горьки и тяжелы русскимъ, но не удивили ихъ; дѣло было для насъ понятнѣе, чѣмъ для Европы. На армію Наполеона и на всю Европу оставленіе и пожаръ Москвы произвели огромное *нравственное* впечатлѣніе.

Наполеонъ скоро увидалъ въ Москвѣ, что походъ не удался. Дневной расходъ людей оказался еще больше, чѣмъ онъ ожидалъ: онъ пришелъ въ Москву со ста тысячами вмѣсто двухъ-сотъ; ему не удалось разбить русскую армію, которую въ двѣнадцатомъ году нельзя было разбить, а надобно было перебить всю до послѣдняго человѣка. Онъ никого не покорилъ, и сидѣлъ въ пустой Москвѣ посреди ополчавшейся Россіи. Армія русская въ Тарутинѣ росла каждый день отъ подкрѣпленій, имѣла къ началу октября 110,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 20,000 казаковъ. На границы московской губерніи со всѣхъ сторонъ подошли ополченія сосѣднихъ губерній. Въ московской и смоленской губерніяхъ дѣйствовали отряды партизановъ, взявшіе въ плѣнъ въ одинъ мѣсяцъ 15,000 французовъ. Крестьяне этихъ губерній вооружились и вели свою войну съ французами. На отдаленныхъ флангахъ театра войны съ юга подходила дунайская армія, съ сѣвера корпусъ, бывшій въ Финляндіи. Никакой надежды на миръ не было. Наполеонъ пробылъ тридцать-пять дней въ Москвѣ

потому только, что не рѣшался начать отступленіе, которое должно было привести къ гибели.

Когда отступленіе началось, разрушеніе французской арміи продолжалось съ ускоренною силою. Послѣ Малоярославца французская армія побѣжала на западъ и бѣжала безъ отдыха, умирая на дорогѣ, вплоть до русской границы. Иначе нельзя назвать ея отступленіе какъ бѣгствомъ, потому-что она прошла тысячу верстъ въ 56 дней. Но она погибла вся на этой дорогѣ, и всѣ отряды, присоединившіеся къ ней на пути, погибли съ нею. Шестьсотъ-десять тысячъ воиновъ Наполеона вошло въ 1812 году въ Россію, шестьдесятъ тысячъ вернулось назадъ, за границу Россіи, изъ боковыхъ отрядовъ, потерпѣвшихъ незначительный уронъ. Спаслись, главнымъ образомъ, австрійцы и пруссаки, то-есть наши бывшіе и будущіе союзники. Кромѣ нихъ почти ничего не осталось. Наполеонъ истратилъ въ эту кампанію 550,000 человѣкъ.

Русская армія и русская земля понесли ужасныя потери въ эту кампанію, но императоръ Александръ не могъ и не хотѣлъ остановиться на границахъ Россіи. Императоръ Александръ повелъ войска свои въ Германію для того, чтобы освободить Европу и свергнуть Наполеона. Мира съ Наполеономъ не могло быть, особенно теперь, когда онъ былъ побѣжденъ. Никакихъ уступокъ Наполеонъ не хотѣлъ дѣлать никогда. Если бы императоръ Александръ не пошелъ въ Германію, Наполеонъ въ 13-мъ году опять пришелъ бы на Вислу, и можетъ быть и на Двину. Наполеонъ въ 1814 году, сражаясь въ Шампани, въ осьмидесяти верстахъ отъ Парижа, при первой удачѣ говорилъ: „еще одна побѣда, и я опять на Вислѣ“. Наполеонъ былъ игрокъ, который всегда игралъ va banque. Его необходимо было свергнуть въ интересахъ всего рода человѣческаго. Замѣчательно, что такъ ясно понималъ Наполеона изъ всѣхъ государей и министровъ Европы одинъ Александръ.—Въ 1813 и 1814 годахъ необычайная даровитость императора Александра, гибкость его ума и твердость его воли являются въ полномъ блескѣ. Онъ успѣлъ поднять всю Европу противъ Наполеона и успѣлъ сохранить этотъ громадный союзъ четырехъ великихъ державъ и многихъ второстепенныхъ до конца, до счастливаго результата. Это было трудное, гигантское дѣло, потому-что когда императоръ Александръ съ малочисленными войсками вступилъ въ герцогство Варшавское, никакое государство не поднялось вдругъ, и только одна Пруссія расположена была подняться, но сама не довѣряла своимъ силамъ. Наполеонъ со своими огромными средствами могъ гораздо скорѣе организовать новую армію, чѣмъ Александръ

дополнить ослабленную. Составленіе и сохраненіе союза всей Европы есть дѣло императора Александра и удалось благодаря его особымъ свойствамъ.

Александръ понималъ всякую мысль и всякаго человѣка. Онъ понималъ Штейна и Шарнгорста, когда они говорили ему о народномъ негодованіи, могущемъ придать небывалыя силы даже и малочисленному народу, о необходимости удовлетворить законнымъ требованіямъ народовъ. Онъ обратился не къ однимъ государямъ, но и къ народамъ Европы, и весь германскій народъ душою передался на его сторону. Онъ поднялъ Пруссію противъ Наполеона прежде, чѣмъ король рѣшился явно приступить къ союзу. Затѣмъ Александръ открыто и торжественно возобновилъ союзъ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и болѣе уже не разставался съ королемъ во все остальное время борьбы. Испытаній было еще много. Война 1813 года была ужасна. Наполеонъ пришелъ съ большимъ войскомъ, скорѣе, нежели ожидали. При Люценѣ и Бауценѣ французовъ было вдвое больше, чѣмъ русскихъ и пруссаковъ, но союзники отступили не потерявъ ни пушекъ, ни плѣнныхъ, не оставивъ Наполеону ни иголки, какъ онъ выразился. Однако послѣ Бауцена приходилось очень плохо союзникамъ. Императоръ Александръ сказалъ тогда: „я убѣжденъ, что Наполеонъ будетъ сверженъ, но мнѣ жаль людей и времени“. Наполеонъ согласился на перемиріе и этимъ запечаталъ приговоръ судьбы. Перемиріе было нужно ему для сбора огромнаго войска, которымъ онъ надѣялся раздавить союзниковъ. Но во время перемирія Александръ привлекъ Австрію къ союзу. Александръ понималъ простую истину, что кто хочетъ какого-либо результата, тотъ долженъ принять условія, безъ которыхъ результатъ невозможенъ. Кто хотѣлъ свергнуть Наполеона, тотъ долженъ былъ *хотѣть* удовлетворить желанія Австріи. Александръ прельстилъ Австрію такъ, что она забыла и нелюбовь къ *бѣшенымъ* прусскимъ патріотамъ, забыла лѣность и мѣшкотность и всѣ свои силы отдала въ распоряженіе коалиціи. Осенью 1813 года Наполеонъ началъ великолѣпную игру въ своемъ вкусѣ; онъ съ бодрымъ чувствомъ встрѣтилъ борьбу съ тремя державами: онъ собралъ 440,000 войска и имѣлъ центральную позицію между тремя арміями союзниковъ, которыя заключали въ себѣ 450,000 человѣкъ. Но его войска и генералы были подъ тяжестью мысли, что имъ приходится бороться съ тремя державами: эта нравственная причина, главнымъ образомъ и привела къ катастрофамъ Наполеоновскихъ армій. — Произошло, не считая меньшихъ битвъ, шесть страшныхъ сраженій: въ послѣд-

немъ изъ нихъ, подъ Лейпцигомъ, собралось четыреста восемьдесятъ тысячъ человѣкъ на одно поле битвы. Наполеонъ былъ побѣжденъ, очистилъ всю Германію, потерялъ всѣ завоеванія двадцати лѣтъ. Но императоръ Александръ повелъ всю Европу во Францію и буквально повлекъ за собою, несмотря на все сопротивленіе, и австрійцевъ, хотѣвшихъ оставить Наполеона на престолѣ. Въ тысячѣ случаевъ въ 1813 и 14 году одно вмѣшательство Александра приводило снова въ колею путавшіяся силы коалиціи. Къ Александру обращались, когда было нужно провести какую-либо умную мѣру или помѣшать путаницѣ. Ему одному можно было объяснить, чего упорно не понимали австрійскіе распорядители. На одного Александра была надежда способныхъ вождей.—Большую службу сослужило и чарующее обращеніе Александра: оно привлекало къ нему всѣхъ; оно вполнѣ соотвѣтствовало блестящей и трудной роли вождя государей и народовъ. Сперанскій сказалъ въ 1813 году о восторгѣ, съ какимъ вездѣ встрѣчали Александра: „вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ—и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: это сущій прельститель“. Не было лжи и въ той дружбѣ, которая соединяла Фридриха-Вильгельма съ Александромъ.

И наконецъ всѣ труды и испытанія были увѣнчаны небывалымъ, свѣтлымъ тріумфомъ: Александръ съ союзниками своими вступилъ въ Парижъ. Въ продолженіи тысячи лѣтъ много разъ нѣмцы воевали съ французами, и никогда не удавалось имъ добиться такого успѣха.—Оказалось, что Александръ былъ правъ, когда увлекалъ въ Парижъ союзниковъ: со взятіемъ Парижа война кончилась, Наполеонъ былъ сверженъ. И Александръ явился теперь, и потомъ въ 1815 году, послѣ Ватерло, великодушнымъ побѣдителемъ, защитникомъ Франціи противъ излишнихъ притязаній союзниковъ. Трудное дѣло достигнуть полной, блестящей побѣды и не оставить никакого раздраженія въ побѣжденныхъ, пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе. Александръ съумѣлъ одержать такую двойную побѣду.

Итакъ цѣль половины царствованія была достигнута: Европа была освобождена, миръ возстановленъ. На знаменитомъ Вѣнскомъ Конгрессѣ свели счеты всей Европы за двадцать-пять лѣтъ. Россія получила большую, прекрасную область, центръ польской земли. Императоръ Александръ далъ особое устройство этой польской области, возстановилъ и имя Польши. Мы, русскіе, не станемъ порицать его за это. Русскіе вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ простили французамъ ихъ нашествіе, простили и полякамъ ихъ яростное участіе въ этомъ нашествіи и въ раззореніи Россіи. Самою

приличною местью была великодушная помощь, которую русскій Царь подалъ тому и другому народу. Александръ давно считалъ себя обязаннымъ возстановить особое политическое существованіе поляковъ, но въ то же время поставить ихъ въ тѣсную связь съ Русскою Имперіею. Такъ думалъ онъ по двумъ, характеризующимъ его, причинамъ: онъ считалъ это возстановленіе требованіемъ гуманности и считалъ долгомъ чести исполнить разъ данное имъ обѣщаніе, какъ бы ни было тягостно исполненіе. Горячая записка Карамзина противъ возстановленія Польши дѣлаетъ честь патріотизму нашего историка, дѣлаетъ честь и государю, которому можно было такъ рѣзко говорить правду. Но опасенія Карамзина были напрасны. Императоръ Александръ не хотѣлъ отдать и не отдалъ Польшѣ русскихъ земель, возвращенныхъ Россіи Екатериною: „Никакая логика въ мірѣ не заставитъ русскихъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, Волынь и Подолію", писалъ Александръ князю Адаму Чарторыйскому.—Царство Польское слилось теперь съ Россіею, и за Россіею осталась прекрасная земля и позиціи въ центрѣ Европы; большая славянская земля спасена отъ нѣмецкаго поглощенія пріобрѣтеніемъ Александра.

Нападать на дѣло Вѣнскаго Конгресса значитъ забывать всю безконечную трудность раздѣла добычи, пріобрѣтенной союзомъ многихъ державъ. Не могъ Вѣнскій Конгрессъ дѣйствовать по принципу абсолютной справедливости, которую въ политическихъ дѣлахъ навѣрно всякій человѣкъ и всякое государство растолковали бы посвоему. Вѣнскій Конгрессъ далъ прочный, долгій миръ Европѣ, а миръ и былъ причиною пышнаго расцвѣта новѣйшей европейской цивилизаціи. И душою мира былъ императоръ Александръ, какъ онъ былъ душою войны противъ Наполеона. Идея мира и общаго союза, общей политики государей овладѣла теперь всѣмъ существомъ Александра. Этой идеѣ онъ сталъ подчинять всѣ свои дѣйствія. Неслыханныя событія, пережитыя Александромъ, потрясли его душу. Въ теченіи европейскихъ событій съ 1789 до 1815 года даже и грубому уму осязательно соотвѣтствіе частей, слышна гармонія, видѣнъ приливъ и отливъ. Императоръ Александръ призналъ въ этихъ событіяхъ очевидное дѣйствіе Промысла Божія. Во время смертельной опасности Александръ обратился къ Богу, просилъ вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ помощи Божіей и увѣровалъ въ Бога, также какъ вѣруетъ русскій народъ. И царь былъ вмѣстѣ со своимъ народомъ спасенъ и превознесенъ и прославленъ, поставленъ выше всѣхъ царей и народовъ не насиліемъ, но добровольнымъ признаніемъ всего міра. Вѣра наполняла съ тѣхъ поръ душу Александра, горѣла въ

сердцѣ его до его кончины, также какъ горитъ она въ сердцѣ русскаго народа. Александръ хотѣлъ обезпечить вѣчный миръ Европы христіанскимъ союзомъ государей. Священный Союзъ осмѣянъ всѣми историками. Намъ говорятъ, что никто кромѣ императора Александра, не относился серьёзно къ Священному Союзу. То-есть никто кромѣ императора Александра не могъ ни на минуту отрѣшиться отъ гоньбы за прибыткомъ, никто кромѣ Александра не чувствовалъ такъ глубоко и сильно необходимость мира, красоту братскаго союза народовъ. Говорятъ, что Священный Союзъ прикрывалъ реакцію правительствъ противъ свободы народовъ. Реакція дѣйствительно наступила,—неизбѣжно, какъ отливъ послѣ прилива, наступила во всей Европѣ, наступила и въ Россіи. Но теперь во время мира людямъ, конечно, не было хуже, чѣмъ во время владычества Наполеона и во время его безпрестанныхъ войнъ. Государи, собиравшіеся на частые конгрессы, рѣшали всякія возникавшія политическія компликаціи, не могли допустить, чтобы борьба партій въ маленькихъ государствахъ приводила въ разстройство европейскій миръ, вмѣшивались въ дѣла этихъ государствъ, только-что возстановленныхъ ими самими, принимали и у себя дома мѣры предосторожности. Государи и министры были, можетъ быть, слишкомъ подозрительны, видѣли, можетъ быть, опасности и тамъ, гдѣ ихъ не было; но заботливость ихъ понятна. Миръ былъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною, и они боялись новой революціи, которая начнетъ новыя безконечныя войны.

Реакція началась и въ Россіи. Въ послѣдній періодъ царствованія Александра прекращается дальнѣйшее движеніе реформъ, вводится строгая цензура, начинаются преслѣдованія свободы преподаванія, свирѣпый графъ Аракчеевъ имѣетъ огромную власть, установляетъ военныя поселенія. Все это—факты, не будемъ ихъ ни отрицать, ни скрывать. Вспомнимъ только, вмѣстѣ съ поэтомъ, что Александръ былъ человѣкъ, что онъ выдержалъ такую ужасную борьбу, которая потребовала напряженія всѣхъ его силъ, и высшая степень напряженія продолжалась безъ отдыха цѣлые годы. Всякое напряженіе человѣческой природы ведетъ къ соотвѣтствующему расходу силъ, оканчивается усталостью. Александръ далъ власть внутри Россіи людямъ, которыхъ считалъ честными и вѣрными. Преданный идеѣ мира, идеѣ одной общей политики всѣхъ европейскихъ государствъ, онъ, по свойству природы своей, всѣ свои силы посвятилъ служенію одной этой идеѣ.—И здѣсь ожидало его опять тяжкое испытаніе. Началось возстаніе грековъ противъ турецкаго ига. Съ точки зрѣнія Меттерниха греки были бунтовщики, турецкій султанъ законный го-

сударь. Александръ не включилъ и въ 1815 году турецкаго султана въ Священный Союзъ; онъ, какъ русскій государь, сочувствовалъ грекамъ, не могъ оставить ихъ безъ защиты; какъ человѣкъ, ужасался несказанной жестокости турокъ; и въ то же время видѣлъ ясно, что при первомъ шагѣ на помощь грекамъ разрушается его единая общая политика, возможная только подъ условіемъ общей неподвижности. Борьба въ его душѣ была тяжкая. Сохраненіе европейскаго мира—эта великая и прекрасная задача—имѣло право потребовать великихъ жертвъ отъ всякаго государя, и особенно отъ него, главы европейскаго мира. Онъ привыкъ приносить и самыя тяжелыя жертвы исполненію долга, служенію идеѣ. — И эту чашу горечи онъ пилъ долго, и она не уменьшалась, но въ нее обильными струями притекало все больше и больше горечи новыхъ безчисленныхъ разочарованій,—отъ неблагодарности прощеннаго и спасеннаго имъ польскаго народа, отъ дошедшихъ до него тяжкихъ воплей страданія новыхъ русскихъ полу-крестьянъ полу-воиновъ, отъ того, что онъ усумнился наконецъ въ преданности ему высшихъ классовъ русска о общества. Эта чаша не выходила изъ рукъ императора Александра до его кончины.

Одному государю совершить всѣ подвиги было невозможно. Великій подвигъ императора Александра остался плодотворнымъ и послѣ его кончины. Кровь русскихъ воиновъ, пролитая въ 1813 и 1814 годахъ, не только дала свободу Европѣ, она помогла освободить и грековъ, она связала Европу на долго. Въ 1828 и 29 годахъ для Европы было бы святотатствомъ воевать противъ Россіи за Турцію. Политика императора Александра Перваго точно также приготовила освобожденіе грековъ, сербовъ и румынъ, какъ политика Императора Александра Втораго приготовила освобожденіе болгаръ, босняковъ и герцеговинцевъ, совершающееся на нашихъ глазахъ. Императоръ Александръ Первый сражался за спасеніе Пруссіи, возстановилъ значеніе Пруссіи какъ великой державы, заключилъ съ нею дружественный союзъ; этотъ союзъ принесъ Россіи большую пользу и въ 1828—29 годахъ и въ 1831-мъ; этотъ союзъ продолжается уже 64 года, и въ наше время укрѣпился опять тѣсною дружбою Государей, взаимными услугами Германіи и Россіи.

Императоръ Александръ Павловичъ былъ мудрый, человѣколюбивый государь, двинувшій впередъ просвѣщеніе Россіи, поставившій Россію на высшую степень величія. Въ годину тяжелыхъ испытаній Александръ былъ достойнымъ вождемъ народа, носителемъ народнаго духа, и пока будетъ существовать русскій народъ, онъ будетъ чтить память своего державнаго, побѣдоноснаго, великодушнаго Вождя.